

О. И. ЖИГАЛИНА

НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИРАНском КУРДИСТАНЕ В 1960—1970-х ГОДАХ

Вопросы курдского национально-демократического движения в Иране в 1960—1970-х годах малоизучены. В данной статье ставится задача показать некоторые особенности развития борьбы курдов за социальные и национальные права в районах расселения курдов в Иране, принятых именовать Иранским Курдистаном.

Период 60-70-х годов (до начала иранской революции в 1978 г.) характеризуется стагнацией курдского национально-демократического движения в Иране. Развитие Иранского Курдистана проходило под воздействием двух определяющих факторов: традиционного, идущего из феодально-патриархальных отношений, и современного. В силу ряда особенностей (этнопсихологических, экономических, национальных и др.) в Иранском Курдистане до сих пор сохраняются пережитки феодально-патриархальных отношений, которые влияли на социально-политический климат Иранского Курдистана. Некоторые феодальные идейно-политические установки и традиции играли негативную роль, вызывая феодальную и религиозную рознь, культ именитых и прославленных вождей и т. п. Вместе с тем некоторые другие традиции, несмотря на свою религиозную или феодально-племенную форму, отражают многовековой опыт борьбы курдов за свою независимость. Проявления пережитков родо-племенного уклада отражались в развитии общественных отношений изучаемого района. В 60—70-х гг. к числу сильных и влиятельных племен принадлежали племенные объединения джаф и ардалан в Западном Иране. Однако господствовавшие в Иранском Курдистане феодальные формы ведения хозяйства не отвечали требованиям буржуазных преобразований и капиталистической перестройки социально-экономической структуры иранского общества в ходе «белой революции». Ломка традиционных отношений началась с насильственного разрушения кочевого уклада племенной организации¹. Эта политика затрагивала интересы также и части курдского населения. Армия и полиция, осуществлявшие эту политику, нередко прибегали к грубым насилиям и жестокости. Племенное натураль-

ное хозяйство было разрушено, перевод на оседлость сопровождался переселением племен на неплодородные земли, их лишали пастбищ и выгонов, что вело к разорению. В случае неповиновения предводителей племен направляли в Тегеран в качестве заложников с тем, чтобы добиться покорности остальных членов племени. Как отмечает иранский исследователь Б. Джазани: «Перевод кочевого хозяйства на оседлость был осуществлен в большинстве районов кочевничества, включая и Курдистан»². Бывшие кочевники влились в армию сельскохозяйственного населения Иранского Курдистана. К концу 70-х годов в курдских районах насчитывалось около 7500 деревень, многие из которых имели лишь 5—10 семей, хотя были и деревни, в которых проживало по 1—2 тысячи семей. Средняя деревня состояла из 50—100 семей. К тому времени 90% сельского населения в Иранском Курдистане вело оседлый образ жизни.

Важным моментом являлось проведение земельной реформы в Иранском Курдистане.

Реформы в аграрной, социально-экономической и социально-культурной сферах, проводившиеся шахским режимом под названием «белой революции», по замыслу их авторов были направлены на обеспечение социальных предпосылок устойчивого экономического развития страны, предотвращения обострения социальных противоречий и разрядки внутривосточной обстановки. В процессе проведения реформ в Иранском Курдистане проявились тенденции, характерные и для всей страны в целом. Однако в то же время обнаруживали и некоторые специфические особенности, связанные с местными условиями. На практике они не только не сгладили имевшиеся социально-экономические трудности, но и вызвали новые более сложные противоречия. Это произошло потому, что в этих районах пережитки феодальных и даже дофеодальных форм общественных отношений были еще достаточно сильны, а процесс их разложения и классово-образования не был завершен. Однако с развитием капиталистического предпринимательства традиционные формы постепенно подверглись трансформации, а полуфеодалное издольное хозяйство стало исчезать. В середине 60-х годов в Иранском Курдистане 64% всей пахотной земли было сконцентрировано в руках крупных помещиков, составлявших всего 1% населения. Каждый крупный феодал владел не менее 300 га пахотных земель. Среди крестьян-земледельцев различались зажиточные, средние и бедные. Зажиточные (лишь 0,6% населения) владели 14% пахотных земель (по 30—50 га земель), середняки (1,5%)—6% или по 5—20 га, бедняки—(3%), имевшие 2% земель или по 1—3 га на хозяйство. Кроме того, выделялась категория безземельных кре-

стьян, работавших по найму в качестве сезонных или постоянных рабочих. Аналогичная картина наблюдалась и среди сельского населения в Иранском Курдистане, занимавшегося скотоводством. Крупные скотовладельцы (0,6—0,7%) владели до 60% всего скота; средние скотоводы, составлявшие 4% всего сельского населения, имели 18% поголовья скота, пастихи (5% населения)—всего 2% скота³. Преобладали хозяйства крестьян-собственников. «Вследствие политической ситуации в Курдистане,—отмечал лидер ДПИК А. Касемлу,—правительство не оказывало на них сильного давления»⁴. Реформа усилила позиции мелко-товарных хозяйств, но вместе с тем возросло значение капиталистического предпринимательства. В провинции Курдистан был организован механизированный сельскохозяйственный центр. В результате реформы в сельском хозяйстве Иранского Курдистана стали развиваться капиталистические отношения. Однако сохранение здесь докапиталистических социально-экономических структур тормозило прогресс производительных сил. Американские иранисты отмечали: «В Курдистане и в районе расселения курдов Западного Азербайджана из-за низкого уровня грамотности, плохого экономического положения... крестьяне не могли немедленно получить выгоды от реформы»⁵.

Довольно сильные позиции в Иранском Курдистане сохраняла торгово-ростовщическая буржуазия, которая в процессе своей деятельности отбирала у крестьян до 50% доходов. За счет неорганизованного кредита в 1968 г. в Касре-Ширине удовлетворяли потребности в ссудах 43,5% сельских жителей, Сенендедже—43%⁶. Одновременно с ростом капиталистических хозяйств в районах расселения курдов в Иране стал шире применяться в сельском хозяйстве наемный труд: 20 тыс. рабочих (5,7%) приходилось на Фарс и Курдистан, 18 тыс. (5,2%)—на Западный Азербайджан, 11 тыс. (3,6%)—Керманшах. Исключительно низкой была заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Иранском Курдистане. В начале 70-х годов мужчины, занятые в земледелии, получали примерно 90 риалов в день, а женщины около 50 риалов⁷, что было намного ниже уровня среднего прожиточного минимума.

В процессе переустройства полуфеодалных хозяйств на индустриальные методы производства в Иранском Курдистане в районах интенсивного развития скотоводства был образован ряд крупных хозяйств в рамках акционерных обществ. К середине 70-х годов к их числу относились «Фарах» (остан Курдистан), имевшее в распоряжении 10 400 га, «Сирус» (остан Западный Азербайджан)—9713 га, «Мехабад» (Западный Азербайджан)—7197 га⁸. Однако выгоды развития капитализма в этих районах находили слабое распространение в отдаленных от центра, а тем

более горных местностях и были малодоступными для основной массы курдских трудящихся в деревне. Пережитки феодальных форм продолжали отражаться на продуктивности сельскохозяйственного производства. Производившаяся продукция едва удовлетворяла потребности внутреннего рынка Иранского Курдистана, за исключением отдельных видов продуктов (сухофрукты, изюм).

Следовательно, с одной стороны, для Иранского Курдистана были свойственны общие тенденции развития капиталистических отношений в иранской деревне в целом, а с другой—обозначалась и специфика, связанная с пережитками докапиталистических форм.

В сравнительно лучшем положении находилось городское население в Иранском Курдистане. Всего здесь в промышленности было занято 5% населения. Несмотря на то, что рабочий класс в Иранском Курдистане малочислен, он обладал большой политической активностью. Учитывая это обстоятельство, правящий режим умышленно замораживал развитие промышленности в этом районе. Единственной современной отраслью промышленности в Иранском Курдистане была нефтяная, сосредоточенная лишь в двух городах—Керманшахе и Нефтешахе. Нефтепромыслы и нефтеперегонный завод в Керманшахе находились в руках Иранской национальной нефтяной компании (ИННК) и были вне сферы деятельности Международного нефтяного картеля и смешанного с иностранным капиталом сектора. На нефтепромыслах Керманшаха добывалось 300 тыс. т. нефти в год. Производственная мощность Керманшахского нефтеперегонного завода составляла 200 тыс. т. нефтепродуктов в год. В начале 70-х годов добыча нефти в этом районе достигла 0,5 млн. т., а нефтепереработка за счет увеличения мощности Керманшахского завода—780 тыс. т. (с 1972 г.)⁹.

К нескольким тысячам рабочих этих предприятий присоединялись рабочие, занятые в отраслях по производству строительных материалов и переработке сельскохозяйственной продукции. Шахские реформы не оказали существенного влияния на их материальное и социальное положение. Доход на душу населения в Иранском Курдистане в 1975 г. составлял всего 150 долл. против 1340 по всему Ирану. Иранский Курдистан оставался в числе самых отсталых районов страны. Его пересекали железнодорожная магистраль и асфальтированная дорога, имевшие стратегическое значение. О социально-культурной отсталости Иракского Курдистана говорят следующие данные. В большинстве деревень на одного учителя приходилось 250—300 детей. Каждая вторая из пяти девочек и один из четверых мальчиков в возрасте от 7 до 15 лет не посещали школу, преподавание на курдском

языке было запрещено. В 1975 г. более 70% всего населения было неграмотно¹⁰.

Неудовлетворительной была также система здравоохранения в Иранском Курдистане, которая практически не коснулась сельских районов. В 1966 г. на одного врача приходилось 20 тыс. больных¹¹.

Тяжелое экономическое положение иранских курдов в период правления шаха усугублялось жестоким национальным и культурным гнетом. В конституции Ирана не фиксировались национальные и культурные права курдов как национального и религиозного меньшинства¹². Официальным языком провозглашался персидский, на котором велось обучение и делопроизводство; публикация изданий на курдском языке фактически была запрещена. Это соответствовало проводимой режимом политике ассимиляции национальных меньшинств господствующей нацией. Правящие круги игнорировали развитие ремесленного производства курдов, хотя среди них немало искусных мастеров в таких отраслях, как ковроделие, кожевенная, ткачество, чеканка по серебру и резьба по дереву. Национальный фактор играл негативную роль и во взаимоотношениях между курдской и иранской буржуазией. Деятельность курдской буржуазии подавлялась антикурдскими мероприятиями иранских властей. Поэтому роль курдской буржуазии в промышленности незначительна, а преобладающее положение в Иранском Курдистане занимает мелкая буржуазия. Наличие здесь множества мелких предприятий и мастерских способствует рассеиванию среди них рабочих. Поэтому рабочие в курдских районах не сконцентрированы на крупных промышленных предприятиях.

Бывший шахский режим активно пропагандировал свое понимание «современной демократии». Сам шах Мухаммед Реза Пехлеви, придворные льстецы с помощью средств массовой информации разносили по всем углам империи и за ее пределами сочиненные по подсказке диктатора легенды о якобы высоком благосостоянии трудящихся в монархическом Иране, о «белой революции», покончившей будто бы с классовыми противоречиями, эксплуатацией и социальным угнетением. В своих книгах шах пытался доказать, что иранская конституция (1906 г.) якобы отвечала запросам широких масс трудящихся¹³. В действительности, расширение состава меджлиса (до 200) в конце 50-х годов не предусматривало привлечение депутатов от разных национальностей. В выборах в меджлис учитывались интересы лишь некоторых из религиозных меньшинств. По одному депутату имела еврейская община, зороастрийцы и ассирийцы и два — армянская община. В сенате имелся один представитель от курдских

провинций. Проводя великодержавную политику, правительство не желало признать наличие в Иране национальных меньшинств. Оно считало, что все граждане страны, которые исповедуют ислам, принадлежат к иранской нации, и признавало только некоторые религиозные меньшинства.

Курды были ущемлены и в законе об административно-территориальном делении, принятом в 1967 г. В соответствии с ним они были разделены по четырем провинциям или останах: Курдистан (центр Сенендедж), Западный Азербайджан (центр г. Резайе), Керманшах (центр г. Керманшах), Хорасан (центр г. Мешхед). Они населяли также губернаторство Илам. При таком разделении не учитывались географические, исторические, экономические и этнические факторы. Главное внимание в таком переустройстве административной системы уделялось вопросу проведения таких изменений, которые облегчали бы ведение решительной борьбы с оппозиционными силами.

Шахский режим абсолютно отказывался признать существование курдского народа, отклонялись минимальные требования национальных прав. Иранский ученый Джазани справедливо утверждает, что «по сравнению с персами, они страдали вдвойне от двойной эксплуатации—как эксплуатируемые классы и как угнетенные в культурном и религиозном отношении национальности. Их борьба против эксплуатации направлена не против персов, а против правящего режима»¹⁴.

Изменения социально-экономической структуры в ходе проведения «белой революции», проявления национального и социального гнета обострили противоречия между различными классами и слоями, а также между курдами в целом и правящим режимом. Крестьяне и рабочие требовали осуществления радикальных мер в сфере экономики и социального обеспечения: повышения зарплаты, улучшения условий страхования, подлинной демократизации общественной жизни и ограничения иностранного влияния в стране. Малейшее недовольство со стороны курдов жестоко подавлялось армией и полицией. Так, было потоплено в крови национально-освободительное движение курдов в 1967—1968 гг., направленное против шахского засилья в Иранском Курдистане. Зимой 1967 г. группа курдов, примыкавшая ранее к Демократической партии Курдистана, возглавлявшейся М. Барзани, вернулась в Иран и начала борьбу против произвола шахского режима. Методом своей борьбы она избрала партизанскую войну, которую вела в течение 18 месяцев в районе городов Мехабад, Бане и Сердешт. Политические задачи этой борьбы неясны, но в своем заявлении, опубликованном в 1968 г., эта группа призывала к «партизанской войне, руководствуясь

примером кубинской революции»¹⁵. Это движение было подавлено, а его руководители Шараф-Заде, инженер-электрик, Абдулла Муини, студент, и Мала Авара, священник и член революционного комитета, были казнены.

Несмотря на то, что это движение было подавлено, оно действовало оживлению деятельности курдских политических организаций в Иранском Курдистане. Одной из влиятельных курдских политических партий в Иране была Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК), деятельность которой в 60-е годы была связана с работой ДПК Ирака. В конце 60-х годов вследствие тактических разногласий с ДПК Ирака, ДПИК в Иранском Курдистане начала самостоятельную борьбу за социальные, национальные и культурные права. Шахский режим, стремясь подавить движение в Иранском Курдистане, натравливал друг на друга курдов Ирана и Ирака. Так, он загрызал с курдами Ирака, поддерживая их боеприпасами и продовольствием с тем, чтобы направить это оружие против курдов Ирана. Любые требования курдов или их действия в Иранском Курдистане подавлялись шахскими войсками с невероятной жестокостью. Сотни членов ДПИК томились в шахских застенках, а два ее руководителя провели в тюрьме по 20 лет вплоть до иранской революции 1978 г. 19 декабря 1972 г. в Сенендедже были убиты пять курдских патриотов. 22 марта того же года в Бане, возвращаясь с собрания ячейки ДПИК, был убит Кадяр Вирди, член центрального комитета ДПИК, 15 апреля в Сенендедже были убиты два члена ДПИК, а в мае растерзан 17-летний юноша по обвинению в политической неблагонадежности¹⁶. Иранский Курдистан милитаризовался более, чем другие части Ирана. Армия, полиция и в особенности САВАК установили здесь жесткий режим. Строго контролировались передвижения жителей: если крестьянину нужно было проехать из одной деревни в другую, он должен был сообщить об этом заранее руководству обеих деревень, которые были обязаны известить об этом полицию.

Несмотря на тяжелые условия, ДПИК, действовавшая с 1946 г. в подполье, поставила задачу готовиться к подъему национального движения с учетом некоторых необходимых элементов решения национального вопроса в Иранском Курдистане. Следовало дать правильную оценку места национального вопроса в Иранском Курдистане в общедемократическом движении народов Ирана. В сложной социально-экономической и политической обстановке того времени, когда в борьбу были готовы вступить крестьянство, рабочие, интеллигенция, кустари, помещики, вожди племен, перед партией встал вопрос об оценке текущего момента и принятии конкретных решений. Это потребовало

созыва съезда партии. В сентябре 1973 г. состоялся Третий съезд ДПИК, на котором был избран новый центральный комитет, принята новая программа и устав партии. Перевес в партии принадлежал крестьянским элементам, которые составляли большинство курдского населения в Иране. Дело в том, что крестьянство не было удовлетворено земельной реформой, отражавшей интересы иранской буржуазии и помещиков. Поэтому оно поддерживало выдвигаемые партией лозунги о проведении такой реформы, в результате которой конфискованная у крупных землевладельцев земля была бы свободно распределена. Кроме того, руководство ДПИК привлекало к борьбе и городскую мелкую буржуазию, которая в Иранском Курдистане в основном была торговой и выполняла посредническую роль в скупке и продаже товаров на рынке. Она испытывала на себе давление со стороны буржуазии господствующей нации, а также курдских помещиков. Феодалы также не были довольны внутренней политикой шаха, поскольку, сосредоточив в своих руках широкие полномочия, монарху в значительной степени удалось устранить самоуправство и произвол феодалов, препятствующей развитию капиталистических отношений в курдских районах Ирана.

По причине своей отсталости и неорганизованности крестьянство не могло встать во главе национально-демократического движения. ДПИК делала ставку на малочисленное, но крепкое ядро сознательного пролетариата и его союз с прогрессивной частью крестьянства, рабочих, интеллигенции. Не исключался союз с национальной курдской буржуазией, которая «слаба и полностью не сформировалась, находится под давлением империализма»¹⁷. Для выполнения тех задач, которая ставила перед собой ДПИК в 70-е годы, а именно: борьба с феодализмом, империализмом и правящим режимом, союз с буржуазией был вполне логичен, поскольку национализм курдской буржуазии имел антиимпериалистический и до определенной степени демократический характер. Руководители ДПИК полагали, что в конечном счете движение возглавят прогрессивные силы. Однако союз с буржуазией допускался лишь на первых этапах антимонархической и антиимпериалистической борьбы курдского народа.

В решениях съезда ставились вопросы социально-экономических преобразований—борьба за развитие национальной экономики и всесторонний подъем жизненного уровня народа. Основой экономической независимости партия считала создание тяжелой промышленности. Поскольку 80% курдского населения составляли крестьяне, партия в числе первоочередных задач ставила решение аграрного вопроса. Решение курдского вопроса

предусматривалось с учетом его специфики и положения страны. Поэтому рекомендовалось учитывать не только уровень экономического развития Курдистана, но и «связь культурных, религиозных и традиционных аспектов»¹⁸.

Третий съезд ДПИК определил основную направленность национально-демократического движения в Иранском Курдистане. В частности, было отмечено, что курдское движение носит прежде всего антиимпериалистический характер, поскольку политическая независимость и свобода курдов неосуществимы до тех пор, пока не покончено с империализмом и с сохранением баз в курдских районах. Оно было направлено против правящего режима шаха Мухаммеда Реза Пехлеви, поскольку он защищал интересы феодально-компрадорской клики, являвшейся опорой империализма, а также усилил давление во всех сферах общественной жизни. К этой борьбе против шахского режима ДПИК призывала присоединиться все народы страны, которому был ненавистен реакционный режим. Эту борьбу курды Ирана связывали с достижением своих национальных прав и освобождением от национального угнетения. Решение курдского вопроса они не мыслили без достижения подлинной демократии. Однако среди поставленных задач ДПИК особое внимание уделяла аграрной проблеме, так как ее решение в пользу крестьянства позволяло привлечь на свою сторону основную массу курдского общества. «На данном этапе национально-демократической революции,—писал А. Касемлу,—это является средством заручиться поддержкой миллионов безземельных крестьян, середняков и мелкой буржуазии и изолировать феодалов, против которых ведется борьба в курдском обществе»¹⁹.

Третий съезд постановил в основу стратегии ДПИК положить принцип—«демократия—Ирану, автономия—Курдистану», который указывал на исходный пункт политического подхода к решению задачи курдского национального движения в 70-х годах. Как сказано в первом разделе программы, «вместе с прогрессивными силами всех народов Ирана, ДПИК борется против империализма и реакционного монархического режима. Наша борьба нацелена на освобождение всего Ирана, а также за право самоопределения для курдского народа. Стратегическая цель ДПИК—гарантировать автономию Иранского Курдистана в рамках демократического Ирана»²⁰.

Во втором разделе программы содержались организационные принципы автономии Курдистана. Прежде всего курды предлагали точно установить границы автономного Курдистана в соответствии с историческими, географическими и экономическими факторами, отвечавшими желанию подавляющего большинства населения этого региона.

В программе отмечалось, что обучение на всех уровнях в автономном Курдистане будет вестись по-курдски, а персидский будет преподаваться наравне с курдским.

Важное место в программе занимало разъяснение позиции партии к национальным меньшинствам, проживающим на территории автономного Курдистана, которым гарантировались равные с курдами права. Специальный пункт программы оговаривал политику партии в отношении религиозных меньшинств, проживающих на территории автономного Курдистана.

Программа партии определяла ее политику в области экономики и социального обеспечения, предусматривала проведение мероприятий в области здравоохранения и образования. Намечалось организовать обучение детей до 15-летнего возраста в школах, а также бороться с неграмотностью в целом, чтобы каждый житель автономного Курдистана прошел хотя бы начальный курс грамоты. Организация здравоохранения проводилась с таким учетом, чтобы каждый житель мог получить необходимую медицинскую помощь.

Определяя внешнеполитический курс, ДПИК заявляла, что она будет строить внешнюю политику на основах «нейтралитета, независимости, уважения и невмешательства», бороться против империализма и отдает предпочтение социалистическому пути развития автономного Курдистана²¹.

Съезд указывал на большое международное значение национально-демократического движения курдов в Иране, рассматривая его как часть мирового освободительного процесса.

Эта программа партии носила несомненно демократический характер, однако она имела и ряд недостатков. В ней, в частности, не определялось отношение партии к представителям родоплеменной и духовной знати. Другим недостатком программы ДПИК являлись размытые формулировки в отношении прогрессивных и коммунистических партий других стран, а также отсутствие определенного отношения к политическим партиям Ирана и Иранского Курдистана.

Слабая связь между демократическими организациями Ирана оказывала негативное воздействие на подготовку национально-демократического движения в Иранском Курдистане.

Усиление классовой дифференциации в курдском обществе, распространенность различных идеологий, а также пробуждение народных масс способствовали возникновению новых политических организаций в Иранском Курдистане. Одной из них, стремившейся к популярности в те годы, была «Революционная партия трудящихся» (Комала), возникшая в начале 70-х годов. Она объединяла в своих рядах экстремистов, прикрываемых

ультралевой фразой, выдававшим политическую неопытность ее руководителей, а также вела борьбу за право быть во главе курдского движения, вступая в столкновения с представителями других организаций.

Борьбу курдов за национальное и социальное освобождение поддерживали в исследуемый период и некоторые общеиранские организации, составившие в дальнейшем оппозицию шахскому режиму. К их числу принадлежали «Организация партизан-федائيнов народа Ирана» (Федائيан-е Халк) и «Организация борцов за святое дело иранского народа» (Моджахедин-е Халк).

С самого начала образования своей организации лидеры и теоретики федائيнов особое внимание обращали на национальный вопрос. Некоторые высказывали свое отношение и к курдскому вопросу. Так, один из основателей этой организации А. С. Кархани писал, что для Ирана национальный вопрос—это вопрос первостепенной важности, который имеет в Курдистане свои характерные особенности. Этот же вопрос затрагивался в теоретическом журнале этой организации «19 бахмана». В одной из статей, опубликованных в этом журнале в январе 1975 г., поднимается проблема вооруженной борьбы угнетенных народов, в том числе курдов. В ней констатируется, что в последние годы курды неоднократно выступали против центрального правительства. Отмечая антиимпериалистический характер курдского движения, автор статьи утверждает, что оно приведет к намеченной цели лишь в том случае, если вольется в единый фронт всех угнетенных народов Ирана против шахского режима, и будет эффективным, если заручится поддержкой угнетенных народов региона. Усиление влияния прогрессивной идеологии является, по мнению автора, «важным фактором, объединяющим вооруженную революционную борьбу и национальное движение курдского народа». Автор заканчивает тем, что федائيны «рассматривают национальное движение курдского народа и других угнетенных народов как существенный фактор, который безусловно будет играть решающую роль в определении будущего нашей страны»²². Поддержкой курдского национально-демократического движения против шахского режима служили отделения федائيнов, образованные в Курдистане, силами которых наносились удары по слабым местам шахского режима, а их пропагандисты и агитаторы призывали расширять забастовочное движение трудящихся в борьбе за прогрессивные социально-экономические преобразования, против половинчатых или открыто реакционных реформ шахского режима.

Другой крупной общеиранской организацией, которая в до-революционном Иране поддерживала курдское национальное

движение была организация «Моджахедин-е Халк». Несмотря на то, что в то время ею еще не была разработана четкая программа действий в районах расселения курдов против шахского угнетения, тем не менее она полагала, что «благодаря особому национальному и географическому положению курды представляют важную потенциальную силу в любой вооруженной борьбе против шахского режима»²³.

Несмотря на растущее недовольство народных масс шахским режимом, курдские политические партии и образованные в Иранском Курдистане отделения всеиранских организаций, составивших оппозицию шахскому режиму, не могли влиться в общедемократическое движение, поскольку все политические партии за исключением официальных были запрещены.

Для развертывания общедемократического движения условия еще не были благоприятными. Реформы в рамках «белой революции» способствовали ослаблению социальных выступлений. Однако к середине 70-х годов уже было ясно, что эти реформы не улучшили положения крестьян, рабочих и интеллигенции. Это вылилось толчком забастовочного движения, в котором принимали участие и курды. Власти стремились жесткими репрессиями подавить эти волнения. Одновременно происходили изменения и в политической жизни страны, связанные с роспуском всех политических партий и созданием единой партии «Возрождение Ирана» (март, 1975 г.). Деятельность курдских политических партий была почти полностью парализована, значительно усилились преследования членов этих партий, которые продолжали работать в глубоком подполье. Ряд руководителей ДПИК был вынужден покинуть страну и выехать за границу, другие томились в шахских тюрьмах.

Стагнация курдского национально-демократического движения в исследуемый период способствовали не только реформы, проводимые шахским режимом в рамках «белой революции» и усиление давления на курдов со стороны военно-полицейской машины. Сдерживающим моментом служили и некоторые внешнеполитические факторы. Важную роль, в частности, играли ирано-иракские отношения. В связи с урегулированием отношений между иракским правительством и курдами в Иракском Курдистане путем подписания соглашения (11 марта 1970 г.), согласно которому правительство Ирака признавало право курдов на автономию и права в области культуры, шахская политика в отношении иранских курдов ожесточилась, в результате опасения подъема курдского движения в Иране и выдвижения аналогичных требований. Эти опасения усиливались в связи с обострением отношений между иранскими курдами и правительством Ирака из-за отказа пос-

ледного присоединить к автономной области районы Киркука, Ханагина и Синджара, населенные курдами. Новое усиление нажима как на иранских, так и иракских курдов со стороны шахского режима было связано с подписанием в 1975 г. Алжирского соглашения. Шах прекратил заигрывание с иракскими курдами, которым прежде разрешалось укрываться от преследований на иранской территории. Курдские беженцы из Ирака были высланы к себе на родину. Одновременно в Иранском Курдистане были введены новые ограничения в области культурного развития этого района. К началу 70-х годов публикация неполитической литературы на курдском была запрещена. Преподаватели школ находились под строгим надзором со стороны правительственной администрации, запрещалось говорить по-курдски с учениками, в государственных учреждениях — носить национальную одежду, а также велась агитация курдского населения против ношения такой одежды.

Положение курдов усугубляли пограничные конфликты на ирано-иракской границе в 1975 г.

Народный гнев против шахской деспотии вылился в мощные антишахские демонстрации, начавшиеся в 1978 г. по всей стране. Они охватили и Иранский Курдистан. Застрельщиком выступала молодежь, требовавшая свержения ненавистного правящего шахского режима, демократизации общественной жизни, освобождения политических заключенных. Многолюдные антиправительственные демонстрации происходили в августе 1978 г. в Иранском Курдистане. В Керманшахе люди, выходящие из мечети, выкрикивали антишахские лозунги. Демонстрации проходили в Сенендедже, Резайе, Мешхеде, Бане, Боджнурде и других курдских городах²⁴. Во время волнений в Заджане было арестовано 12 человек, 3 человека ранено. В Керманшахе и Сенендедже полиция и жандармерия открывали по выступавшим огонь, в результате чего погибло много людей. Забастовочное движение в курдских районах не было однородным. Часть бастующих принадлежала к тем, которые составляли оппозицию шахскому режиму и были объединены политическими организациями. Они выдвигали экономические и политические требования. Другую часть бастующих составляли конъюнктурщики и лица, боявшиеся расследований дел о злоупотреблениях и коррупции. Еще одну группу составляли те, которые играли роль фактора, нейтрализующего политическую сторону требований других бастующих. Если до лета 1978 г. волнения в районах расселения курдов были направлены против социального угнетения, то с июня 1978 г. они все отчетливее стали приобретать политический характер. Началом послужили манифестации в Мешхеде, прошедшие после похорон

Азиза Юсефи, старейшего члена ДПИК, прошедшего 25 лет в тюрьме. Его похороны вылились в мощный протест против шахского режима, террора и репрессий, в котором приняли участие 10 тыс. человек. Курдские политические и общественные деятели, выступавшие на митинге, рассматривали смерть Юсефи как очередное преступление шахской военно-полицейской машины. На следующую ночь САВАК арестовала подозреваемых в организации этой демонстрации. 16 из них были заключены в тюрьму в Резае (Урмийе). Это вызвало недовольство со стороны народных масс. Под давлением народного гнева в октябре 1978 г. эти лица были освобождены. Репрессии уже не помогали шахским прищипникам, а волна забастовочного движения и демонстраций с каждым днем становилась все выше и выше. Правительство решило пойти на некоторые уступки. В августе 1978 г. премьер-министр Ирана Шариф-Имами объявил о легализации политических партий. Сразу около 14 партий и группировок объявили о возобновлении своей деятельности. К реорганизации приступила и наиболее многочисленная партия курдского национального движения — ДПИК. В конце 1978 г. из-за границы стали возвращаться члены ДПИК, бывшие в изгнании, а также студенты, учившиеся за рубежом, амнистированные заключенные. Они налаживали контакты с теми, кто находился в подполье. Оживилась деятельность и других курдских партий и общественных организаций, сформировались новые. Все они влились в общедемократическое движение иранского народа, которое свергло шахский режим и совершило антимонархическую, антиимпериалистическую революцию в Иране.

В заключение можно отметить, что вся политика шахского режима в отношении курдов диктовалась стремлением недопустить малейшего проявления курдского национализма, который мог вызвать отголоски и в других районах страны. Для достижения этой цели шахский режим прибегал к репрессиям. Отвлекающим маневром служила аграрная реформа, которая переносила внимание большинства курдского населения на сдвиги под воздействием проводимых преобразований. Тайная шахская полиция САВАК проводила массовые аресты, слежку. Нестабильность на западной границе Ирана непосредственно отражалась и на положении курдов. Мухаммед Реза Пехлеви не только унаследовал от своего отца методы политики насильственной ассимиляции и депортации курдов в другие районы страны, но и усовершенствовал эту политику путем изощренности способов угнетения в сфере экономики, культуры и социального обеспечения. Однако курды не хотели мириться с военно-полицейским диктатом. В районах, населенных курдами, продолжалась активная деятельность

курдских политических партий и других организаций. Шахская секретная полиция выискивала их руководителей, арестовывала, сажала в тюрьмы, зачастую подвергая жестоким пыткам. Охранка стремилась «обезглавить» курдское национальное движение и таким образом свести его на нет. Этим объясняются неудачи и разрозненность вооруженных выступлений в конце 60-х годов, которые жестоко подавлялись шахскими войсками. Вместе с тем, эта борьба способствовала повышению политической сознательности курдских активистов, вселяла в них уверенность в необходимости борьбы против шахского режима.

Օ. Ի. ԺԻՅԱԼՈՒ

ԱԶԳԱՅԻՆ-ԴԵՄՈԿՐԱՏԱԿԱՆ ՇԱՐԺՈՒՄԸ ԻՐԱՆԱԿԱՆ ՔՈՒՐԴԻՍՏԱՆՈՒՄ
1960—1970-ԱԿԱՆ ԹՎԱԿԱՆՆԵՐԻՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հողմածում փորձ է արվում վեր հանելու 1960—1970-ական թվականներին Իրանական Քուրդիստանում տեղի ունեցած ազգային դեմոկրատական շարժման առանձնահատկությունները: Նշված ժամանակաշրջանում Իրանական Քուրդիստանի զարգացումը տեղի էր ունենում երկու գործոնների ազդեցության ներքո. մի կողմից ֆեոդալա-նահապետական, մյուս կողմից՝ ժամանակակից:

60—70-ական թվականներին Իրանում տեղի ունեցած սոցիալ-տրնտեսական տեղաշարժերը էապես ազդեցին նաև Քուրդիստանի քաղաքական կլիմայի վրա: Այս ֆոնի վրա ցույց է տրվում քրդական ազգային դեմոկրատական կուսակցությունների և կազմակերպությունների պայքարը քուրդ ժողովրդի ազգային և սոցիալական պահանջների բավարարման համար:

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Iran under the Pahlavis, ed. G. Lenczowski, Stanford, 1978, p. 96—97.

2 B. Jazani, Capitalism and Revolution in Iran, London, 1980, p. 54.

3 A. Ghassemlou, The Kurds and Kurdistan, Prague, 1965, pp. 165, 166.

4 Ibid.

5 Iran Faces the seventies, ed. by Ehsan Yar-Shater, New-York, 1971, p. 31.

- 6 *D. R. Denman*, The kings vista. A land reform, which has changed the face of Persia, London, 1973, p. 201.
- 7 Салнаме-йе ашари-йе кешвар, сал-е 1353. (Техран, 1976), с. 246—250.
- 8 Салнаме-йе ашари-йе кешвар, 1351, с. 285, Салнаме-йе ашари-йе кешвар, 1952, с. 276.
- 9 *У. З. Шарипов*, Эволюция нефтяной политики иранского государства в 50—70-х годах. Сб. «Иран. проблемы экономического и социального развития». М., 1980, с. 67.
- 10 *People without a country: Kurds and Kurdistan*, London, 1980, p. 112.
- 11 *Ibid.*
- 12 Конституции государств Ближнего и Среднего Востока, М., 1956.
- 13 *M. R. Pahlavi*, Mission to my country, London, 1976, p.
- 14 *B. Jazani*, указ. соч., с. 125.
- 15 *F. Hallyday*, Iran: dictatorship and development, London, 1979, p. 222.
- 16 *People without country*, p. 125.
- 17 *A. Ghassemlou*, указ. соч., с. 241.
- 18 Documents of the third congress of the Kurdistan Demokratio party-Iran, Stockholm, 1974 (далее-Dokuments).
- 19 *Gassemlou*, указ. соч., с. 242.
- 20 *Hallyday*, указ. соч., с. 223.
- 21 Documents...
- 22 Bahman, January, pp. 97—102.
- 23 *People without a country*, p. 130.
- 24 «Кейхан интернейшил», 30.8.78.